

**ТЯЖБЫ О БЕСЧЕСТЬЕ В ПОРЕФОРМЕННОМ СУДЕ:
«НАВИГАЦИЯ» ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА
В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(1860–1880-Е ГГ.)**

Ксения Владиславовна Ваничева

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
kvanicheva@eu.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена правовым стратегиям православного приходского духовенства в пореформенном суде. На материалах судебных дел об оскорблении чести рассматривается практика правового лавирования духовных лиц, подразумевающая выбор между параллельными инстанциями церковного и светского суда с целью найти наиболее выгодный для себя вариант решения спора. Демонстрируется, что дублирование статей о бесчестье в Уставе духовных консисторий и Судебных уставах способствовало формированию пространства для маневрирования духовных лиц в правовом поле. Анализ правовых стратегий участников тяжб и действий вовлеченных в споры ведомств позволяет поставить под вопрос характерный для историографии тезис о преимущественно негативном влиянии Судебной реформы 1864 г. на правовое положение духовенства. Напротив, пореформенная правовая неопределенность создавала пробелы в системе судопроизводства, которые давали тяжущимся шанс добиться более благоприятного для себя исхода судебного дела. При этом существовала и оборотная сторона описываемой ситуации: подобно участникам споров, чиновники духовных консисторий стремились использовать пересечение компетенций светского и епархиального суда в своих интересах. В заключении делается вывод о том, что, прибегая к практике правового лавирования для достижения собственных целей, и участники дел, и духовные консистории содействовали ограничению юрисдикции церковного суда и «освоению» духовенством светского правового пространства. Высказывается предположение, что указанные процессы, по крайней мере отчасти, были непредвиденным и нежеланным последствием синодальной политики.

Ключевые слова: православное духовенство, история права, forum shopping, правовое лавирование, судебная реформа 1864 г., церковный суд, духовная консистория.

Для ссылок: Ваничева К. Тяжбы о бесчестье в пореформенном суде: «навигация» православного приходского духовенства в правовом пространстве Российской империи (1860–1880-е гг.) // Антропологический форум. 2025. № 65. С. 37–59.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-37-59

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/065/vanicheva.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 65

**LAWSUITS ABOUT DISHONOUR IN THE POST-REFORM COURT:
THE “NAVIGATION” OF THE ORTHODOX PARISH CLERGY
IN THE LEGAL SPACE OF THE RUSSIAN EMPIRE (1860S–1880S)**

Ksenia Vanicheva

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
kvanicheva@eu.spb.ru

Abstract: The article is focused on the legal strategies of the Orthodox parish clergy in the post-reform court. Using material from trials of insults to honour, it considers the practice of the clergy's “jurisdictional jockeying”, which implies a choice between parallel instances of ecclesiastical and secular courts in order to find the most advantageous variant of dispute resolution. The article demonstrates that the duplication of articles about dishonour in the Statutes of the Ecclesiastical Consistories and the Judicial Statutes contributed to the formation of a space for clergy to manoeuvre in the legal field. The analysis of the legal strategies of the litigants and the actions of the institutions involved in the disputes calls into question the thesis typical of historiography about the mainly negative impact of the Court Reform of 1864 on the legal status of the clergy. On the contrary, the post-reform legal uncertainty created gaps in the system of legal proceedings, which gave litigants a chance to obtain a more favourable outcome. At the same time, there was another side to the situation described: like the participants in the disputes, the consistory officials tried to use the intersection of the competences of the secular and diocesan court in their own interests. In conclusion, it is suggested that by resorting to the practice of “jurisdictional jockeying” to achieve their own goals, both the participants in the cases and the consistories helped to limit the jurisdiction of the ecclesiastical court and the clergy's “exploration” of the secular legal space. The author proposes that these processes were, at least in part, an unintended and unwanted consequence of the Synod's policy.

Keywords: orthodox clergy, legal history, forum shopping, jurisdictional jockeying, court reform of 1864, church court, consistory.

To cite: Vanicheva K., 'Tyazhby o beschestye v poreformennom sude: "navigatsiya" pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva v pravovom prostranstve Rossiyskoy imperii (1860–1880-e gg.)' [Lawsuits about Dishonour in the Post-Reform Court: The "Navigation" of the Orthodox Parish Clergy in the Legal Space of the Russian Empire (1860s–1880s)], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 65, p. 37–59.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-37-59

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/065/vanicheva.pdf>

Ксения Ваничева

Тяжбы о бесчестье в пореформенном суде: «навигация» православного приходского духовенства в правовом пространстве Российской империи (1860–1880-е гг.)

Статья посвящена правовым стратегиям православного приходского духовенства в пореформенном суде. На материалах судебных дел об оскорблении чести рассматривается практика правового лавирования духовных лиц, подразумевающая выбор между параллельными инстанциями церковного и светского суда с целью найти наиболее выгодный для себя вариант решения спора. Демонстрируется, что дублирование статей о бесчестье в Уставе духовных консисторий и Судебных уставах способствовало формированию пространства для маневрирования духовных лиц в правовом поле. Анализ правовых стратегий участников тяжб и действий вовлеченных в споры ведомств позволяет поставить под вопрос характерный для историографии тезис о преимущественно негативном влиянии Судебной реформы 1864 г. на правовое положение духовенства. Напротив, пореформенная правовая неопределенность создавала пробелы в системе судопроизводства, которые давали тяжущимся шанс добиться более благоприятного для себя исхода судебного дела. При этом существовала и обратная сторона описываемой ситуации: подобно участникам споров, чиновники духовных консисторий стремились использовать пересечение компетенций светского и епархиального суда в своих интересах. В заключении делается вывод о том, что, прибегая к практике правового лавирования для достижения собственных целей, и участники дел, и духовные консистории содействовали ограничению юрисдикции церковного суда и «освоению» духовенством светского правового пространства. Высказывается предположение, что указанные процессы, по крайней мере отчасти, были непредвиденным и нежеланным последствием синодальной политики.

Ключевые слова: православное духовенство, история права, forum shopping, правовое лавирование, судебная реформа 1864 г., церковный суд, духовная консистория.

8 августа 1868 г., спустя два года после своего торжественного открытия, Московская судебная палата слушала дело о дьячке села Горелок Тульской губернии Дмитрии Архангельском, обвиненном в оскорблении местного мирового судьи. Согласно протоколу, Архангельский был признан виновным в побукке берез из палисадника некоего Ивашкина и приговорен к штрафу. На это решение мирового суда дьячок составил апелляционный отзыв, где выражал недовольство «наглядно-пристрастным» отношением к его делу судьи — ближайшего соседа Ивашкина. Тульский окружной суд счел тон апелляционного отзыва оскорбительным для мирового судьи и приговорил Архангельского к двум месяцам ареста. Но и на это решение дьячком был составлен новый, на этот раз куда более умеренный апелляционный отзыв, в котором он смиренно признавал, «что положение его здесь не положение оскорбляющего с намерением преступника,

Ксения Владиславовна Ваничева

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
kvanicheva@eu.spb.ru

но положение утопающего», который «не так, как бы следовало, а как мог прибил к берегу, где надеялся остаться в живых» [ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 131. Оп. 14. Д. 40. Л. 7об.]. Поводом к подаче отзыва стал волновавший Архангельского вопрос о границе юрисдикции светских судебных мест в отношении дел, фигурантами которых были лица духовного звания. Опираясь на 2-ю статью Учреждения судебных установлений, примечание к которой допускало изъятия подобных дел из общего порядка судопроизводства на основании особых постановлений о церковном суде, а также на 158-ю и 197-ю статьи Устава духовных консисторий о проступках духовных лиц, Архангельский рассудил, что «он, *кажется, лицо подсудное консистории?*» [Там же] (здесь и далее в цитатах курсив мой).

Описанный казус заставляет задуматься над вопросом о правовых стратегиях духовных лиц в условиях сосуществования двух юридических реальностей: сословного церковного суда и преобразованных на началах всеобщности светских судебных мест. В какой мере сложившаяся после Судебной реформы 1864 г. ситуация повлияла на правовое положение православного духовенства? Что позволило Архангельскому отстаивать свою подведомственность консистории перед светским судом? И можно ли рассмотреть в обвиняемом не случайно прибывшего к берегу «утопающего», но, продолжая метафору Архангельского, скорее «штурмана», способного и на вполне осознанное лавирование между светским и епархиальным судом? Поиск ответов на эти вопросы требует с большим вниманием отнестись к правовым стратегиям духовных лиц, оказавшихся на скамье подсудимых, особенно в случаях пересечения юрисдикций светского и епархиального суда.

Историография российского права, традиционно сосредоточенная на законодательной политике государства как главного актора прогрессивных правовых изменений, долгое время оставалась невнимательна к повседневной юридической практике. На протяжении многих лет в рамках государственноцентричного подхода исследователи российского права писали преимущественно историю правовых реформ [Borisova 2012: 903]. Несмотря на силу влиятельной историографической традиции, в последнее время авторы все чаще обращаются к изучению повседневного функционирования закона [Burbank 2004; Марпезе 2009; Яковлева 2021; Антонов 2022; Сартори 2022].

Указанное направление не оказало влияния на историографию церковного суда. Внимание исследователей церковного права по-прежнему остается направленным на его юридические особенности как отрасли права и научной дисциплины [Дорская

2008] или как «автономной корпоративной правовой системы» [Гаранова 2004: 6], а также на усилия государства по преобразованию церковного суда во второй половине XIX — начале XX в. [Freeze 1983: 340–345; Римский 1999: 546–559; Фирсов 2002; Никитин 2021]¹. Прикованный к кабинетам столичных реформаторов взгляд историков задает рамку для интерпретации пореформенных правовых перемен. Судебная реформа 1864 г. трактуется в исследовательской литературе как точка отсчета во многом кризисного для духовного сословия периода «борьбы» за свои права. Особенно чувствительным для церкви оставался вопрос о сохранении в ее компетенции бракоразводных процессов. Любые попытки покуситься на авторитет епархиального суда в этой области вызывали отпор, поскольку одновременно были посягательством и на институциональные интересы церкви, и на традиционные прерогативы высшего духовенства [Римский 1999: 550–559; Wagner 2001: 138–205]. В то же время порожденная уставами 1864 г. проблема несогласованности реформированного светского и церковного судов вызывала обеспокоенность не только среди архиереев. Сложившаяся ситуация, по мнению Т.Г. Леонтьевой, привела к тому, что в пореформенный период «особенно вопиющим» стало бесправие именно рядового духовенства, оказавшегося между двух огней: под юрисдикцией и светского, и епархиального суда [Леонтьева 2002: 34–35].

Отметим, что в этой истории борьбы церкви за юрисдикцию не нашлось места изучению правовых стратегий духовенства, как и правоприменительной практики, поскольку историки, по всей видимости, не усматривали в этом исследовательской проблемы. Не стремясь оспорить тезис о противодействии церкви «обмирщению» в вопросах, традиционно относящихся к ведению епархиального суда, я предлагаю рассмотреть сквозь традиционный нарратив о борьбе юрисдикций более сложную и рельефную картину. Обращаясь к изучению правовых стратегий приходского духовенства, я надеюсь показать, что описанный в историографии кризис пореформенного периода можно рассматривать не только как эпоху безвременья, но и в качестве выгодной ситуации, позволявшей более эффективно защищать свои интересы в новых условиях. В фокусе внимания в статье находятся судебные дела об оскорблении чести с участием православного приходского духовенства после Судебной реформы 1864 г. Тяжбы о бесчестье рассматриваются как одна из областей пересечения светского и церковного права,

¹ Редким исключением можно считать новаторскую статью С. Дальке и Б. Темплера, в центре внимания которой находится судебный процесс над игуменьей Введенского Владычного монастыря Митрофанией [Dahlke, Templar 2012].

служившая и для фигурантов дел, и для судебных мест удобной лазейкой в системе пореформенного судопроизводства.

Исследователи не раз обращали внимание на то, как пробелы в правовой системе давали тяжущимся возможность продвигать свои интересы и добиваться возмещения ущерба в суде. В рамках юридической антропологии в 1970-е гг. благодаря полевым исследованиям преимущественно в странах Южной и Юго-Восточной Азии, а также Африки центральное место заняла проблема взаимодействия государственного права и местных нормативных порядков [von Benda-Beckmann, Turner 2020: 81]. Антропологи все чаще фокусировались на том, каким образом различные акторы используют законы и институты в ситуации правового разнообразия. Отмечалось, что участники судебных дел нередко пользуются возможностью выбирать наиболее удобную для себя юрисдикцию, основываясь на представлениях о возможном исходе спора, — практика, получившая название “forum shopping” [von Benda-Beckmann 1981]. Теоретические работы антропологов стали важным этапом в дискуссии о правовом плюрализме и закономерно стимулировали изучение историками правовых процессов в империях.

Историография российского права в последние годы была чувствительной к теоретическим наработкам юридической антропологии. Использование инструментария антропологии права, в той мере, в какой это возможно применительно к материалам XIX в., открыло для историков новую перспективу, связанную с изучением поведения участников споров. В фокусе внимания оказались отдельные группы подданных Российской империи, которые, пользуясь дарованными им правами, могли выбирать более привлекательный судебный орган, т.е. прибегали к упомянутой практике *forum shopping*. Ряд исследователей описали попытки такого маневрирования в правовом поле среди мусульманского населения Российской империи [Круз 2020: 154–205; Сартори 2022; Кирмзе 2023: 99–105, 249–255]. Обладая возможностью обращаться как к исламским судьям, так и в русские суды, мусульмане выбирали ту инстанцию, где надеялись получить больше преимуществ при разрешении спора. Для описания подобных юридических манипуляций колонизированных субъектов Л. Бентон использовала термин «правовое лавирование» (*jurisdictional jockeying*). В этой связи исследовательница обратила внимание на интересный парадокс: перемещаясь между судебными органами, подчиненные субъекты невольно содействовали изменению подсудности дел, а в конечном счете — укреплению власти колониального государства, сфера влияния которого расширялась [Benton 2002: 148–149]. Вслед за Бентон я буду придерживаться этой метафоры и использовать термин «правовое лавирование» для характеристики

перемещения духовных лиц между судебными местами с целью найти наиболее выгодную для себя юрисдикцию. Подобно героям Бентон, участники описанных в статье судебных дел неосознанно способствовали пореформенным правовым изменениям.

Споры об оскорблении чести в системе пореформенного судопроизводства

Упомянутые в деле дьячка Архангельского статьи первой главы третьего раздела Устава духовных консисторий «О ведомстве Епархиального суда» действительно предполагали изъятие из юрисдикции светских судов дел о духовных лицах, виновных в проступках и преступлениях против «благочиния и благоповедения» [Устав духовных консисторий 1843: 61]. Как отмечал канонист А.С. Павлов в «Курсе церковного права», под последними следовало понимать «случаи нарушения духовными лицами общественной тишины и другие подобные проступки, предусмотренные в ст. 35–51 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [Павлов 1902: 418]. Указанные статьи соответствовали третьей главе Устава «О проступках против благочиния, порядка и спокойствия», два отделения которой описывали наказания за нарушение благочиния во время священнослужения в церкви и вне ее, а также за беспорядки в других публичных местах [Устав о наказаниях 1867: 11–15].

Статья 197 Устава духовных консисторий относилась к числу таких проступков «оскорбление неприличными словами» и «тяжкую обиду» [Устав духовных консисторий 1843: 77]. Понятие «обида» в данном случае прямо соотносилось со светским законодательством и подразумевало личное оскорбление словом или действием. По утверждению А.С. Павлова, отнесение подобных преступлений к ведению церковного суда было «основано на том каноническом положении, что клирик, наносящий кому-либо обиду словом или действием, не только совершает поступок нравственно недозволенный и юридически наказуемый, но вместе с тем более или менее глубоко оскорбляет достоинство носимого им сана <...>. Поэтому-то дела этого рода, по нашим законам, не могут прекращаться примирением сторон <...> и не могут обращаться в иск гражданский» [Павлов 1902: 418]. Таким образом, каноническое право тесно связывало дела об оскорблении чести с высотой священного сана и не предполагало возможности их передачи в светский суд.

Описанная статья консисторского устава определяла наказания для провинившихся духовных лиц в соответствии с разрядом клира и со степенью тяжести нанесенной ими обиды: *священнослужители* за словесное оскорбление вне церкви приговари-

вались к денежному взысканию в пользу сирот Духовного ведомства и к надзору благочинного, а за «тяжкое оскорбление» — к временному отстранению от должности с определением в причетники «до раскаяния и исправления»; *церковнослужители*, виновные в оскорблении словом, наказывались штрафом или монастырской епитимией, тяжкое же оскорбление предполагало епитимию или исключение из духовного звания в том случае, если проступок церковнослужителя был не первым и ранее он уже подвергался мерам исправления [Устав духовных консисторий 1843: 77]. При этом статьи консисторского устава подразумевали наказание лишь за оскорбление мирянина, но не содержали упоминаний об оскорблении, нанесенном одним представителем клира другому.

Светское законодательство относило тяжбы об оскорблениях к ведению мировых судов. Первое отделение главы одиннадцатой Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, подразумевало под оскорблением чести обиду словом или действием и предполагало наказание в виде денежного взыскания или ареста на срок не более трех месяцев [Устав о наказаниях 1867: 31–32]. Тяжесть церковных прещений по сравнению с наказаниями светского суда в этом случае усугублялась размытой формулировкой «до раскаяния и исправления», оставлявшей решение о сроке наказания на усмотрение консистории, а также тщательной фиксацией всех проступков в судной графе клировой ведомости, которая влияла на награды и пенсии духовенства [Никитин 2021: 37–38].

Вопреки положению канонического права, согласно которому тяжбы о бесчестье с участием духовных лиц не могли передаваться в светские судебные инстанции, на практике дела «об обидах» нередко оказывались не на консисторском столе, а именно перед чиновниками светских судебных мест. Разъяснение спорных вопросов, возникавших в ходе судопроизводства, стало задачей учрежденных реформой 1864 г. кассационных департаментов Сената.

«Пререкания» о подсудности в делах о бесчестье стали проблемой сразу после открытия новых светских судов. Уже в 1867 г. Синод издал циркулярный указ «по поводу неоднократно встречавшихся в тех местностях, где введены в действие Высочайше утвержденные 20 Ноября 1864 г. судебные уставы, недоумений относительно подсудности дел о личных обидах, причиняемых лицами духовного звания» [РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 215. Л. 22]. Поводом для публикации указа стала поданная в Сенат кассационная жалоба на решение Медынского мирового съезда Калужской губернии по делу об оклеветании священником И. Лихачевым капитан-лейтенанта С. Панютина

(к этому делу мы еще вернемся). Уголовный кассационный департамент Сената, сославшись на Устав духовных консисторий, подтвердил постановление Мирового съезда о передаче дела, по неподсудности его мировым учреждениям, на решение епархиального начальства. Синодальный указ описывал данный случай как прецедент, на который должны были обратить внимание чиновники консисторий «для сведения и надлежащего в потребных случаях руководства и исполнения» [РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 215. Л. 22об.].

Отметим, что решения кассационных департаментов Сената в этой области права не отличались последовательностью, а потому дела об оскорблениях с участием духовных лиц продолжали вызывать разногласия в судебных местах. Так, в январе 1868 г. Уголовный кассационный департамент Сената рассмотрел дело священника Шишова и пришел к решению, противоречащему статьям Устава духовных консисторий. Санкт-Петербургский мировой суд признал Шишова виновным в нанесении обиды действием городовому Цихоцкому. Приговор вызвал протест товарища прокурора, который, ссылаясь на соответствующие статьи Устава духовных консисторий, оспаривал подсудность дела мировым установлениям. Сенат решил дело в пользу мирового судьи, разъяснив при этом, что нанесенный городовому удар представлял собой не личное оскорбление чести частного лица, а неуважение к чиновнику при исполнении должности, т.е. преступление против порядка управления [Решения 1869: 18–19]. Противоречие же состояло в том, что ни Уложение о наказаниях, ни Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в подобных случаях не предполагали никаких исключений для лиц духовного звания, а потому дело подлежало ведению светского суда. Таким образом, подсудность дела зависела не столько от юрисдикции судебной инстанции, сколько от классификации проступка.

На практике компетенция светского и церковного суда в делах об оскорблении чести определялась именно на основании описанного признака: в случаях, когда обида была нанесена частным лицам, духовенство оставалось подведомственным консистории, но тяжбы о бесчестье должностных лиц переходили в ведение светского суда [Никитин 2021: 21]. Дополнительная сложность заключалась в том, что словесные оскорбления в адрес священнослужителей во время богослужения относились к ведению светского суда и трактовались Уложением о наказаниях в качестве преступлений против веры [Уложение о наказаниях 1882: 157]. Статья 214 Уложения предусматривала за подобные оскорбления более тяжкие наказания, в частности заключение в смиренном доме на срок от 4 до 8 месяцев или в тюрьме от 2 до 4 месяцев [Там же].

С 1866 по 1896 г. на рассмотрение Общего собрания кассационных и первого с кассационными департаментов Сената поступило 19 дел о подсудности духовных лиц, вызвавших разногласия между консисторией (или епархиальным начальством) и светским судом. Почти половина из них (9 дел) относилась к тяжбам об оскорблении словом или действием (см. табл. 1).

Таблица 1

**Дела о подсудности лиц духовного звания,
рассмотренные Общим собранием кассационных и первого
с кассационными департаментов Сената (1866–1896)¹**

Сущность дела	Количество дел
Оскорбление	9
Преступление по должности	4
Пререкание о замене епархиальным начальством наказания, назначенного для духовного лица светским судом ²	2
Утайка церковных доходов	1
Буйство и нарушение общественной тишины	1
Угрозы	1
Незаконное сожигание	1
Всего	19

Указанное в таблице относительно небольшое число интересующих нас случаев, рассмотренных Общим собранием за 30 лет, не означает, что общее количество дел об оскорблениях с участием духовенства было незначительным. Большая их часть разрешалась на местном уровне — в мировых судах или духовных консисториях — и не доходила до департаментов Сената. Рассмотрение вереницы мелких споров об обидах было обременительной заботой этих судебных органов.

Таким образом, амбивалентный статус тяжб о бесчестье, регламентировавшихся как светским законодательством, так и Уставом духовных консисторий, обеспечивал духовных лиц удобным инструментом для перемещения между светскими и церковными институтами с целью защиты своих интересов. Образовавшаяся здесь область пересечения светского и церковного права становилась, пусть и ограниченным, пространством правового выбора.

¹ Подсчитано по «Сборнику решений Общего собрания кассационных и первого с кассационными департаментов Правительствующего сената за 30 лет» [Сборник решений 1905]. В таблицу включены только дела о подсудности духовных лиц, вызвавшие пререкания между светскими и церковными ведомствами.

² Замена наказания для духовных лиц была предусмотрена статьей 86 Уложения о наказаниях [Уложение о наказаниях 1882: 61–62].

«Не имеет светского и юридического характера»: тяжбы об оскорблении чести как инструмент правового лавирования

В 1885–1886 гг. в Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов Сената поступило два характерных дела, на которых необходимо остановиться подробнее. Оба процесса были связаны с жалобами священнослужителей на незаконные, с их точки зрения, действия мировых судей.

Участником первого стал священник Судогодского Екатерининского собора Владимирской губернии кандидат богословия Алексей Успенский. В августе 1884 г. мировой суд признал Успенского виновным в оскорблении владельца торговой лавки купеческого сына Ивана Голубева. Месяцем ранее судебный пристав описал имущество священника, который не смог расплатиться за купленный у Голубева товар. Раздраженный Успенский в тот же день ворвался в лавку, где устроил переполох. По словам свидетелей, священник обвинил купца в торговле некачественными товарами и, к удивлению скопившейся в лавке толпы, бросил за прилавок в ноги Голубева «почти в упор свою поношенную рясу» [РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1503. Л. 4].

Приняв крайнее раздражение подсудимого в качестве смягчающего обстоятельства, суд приговорил Успенского к выговору за нанесение обиды действием по 133-й статье Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Однако даже такой сравнительно мягкий приговор вызвал недовольство подсудимого. В прошении на имя министра юстиции Успенский указывал на незаконность действий мирового судьи, который, по его словам, «обратил исключительное внимание на мой священный сан, найдя его несообразным с достоинством суда, и, сопровождая свою речь нескромными жестами, заключил при сем так: “вам, в вашей рясе, совсем не прилично фигурировать в процессах. Вас будут таскать по судам”» [РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1503. Л. 10]. При этом, ссылаясь на вышеупомянутые 158-ю и 197-ю статьи Устава духовных консисторий, священник доказывал неподсудность своего дела светскому суду и «отвечал, что я где нужно найду для себя защиту и оправдание в свидетелях: так как дело действительно связано с таким символом, который не имеет светского и юридического характера» [Там же. Л. 10об.]. Подобная трактовка судебного процесса стала возможной из-за одного значимого обстоятельства, изложенного священником в прошении: по признанию Успенского, он не осознавал себя виновным в оскорблении Голубева, поскольку не имел «никакого представления об обиде и в чем она выразилась на словах *пред раскольников, требовавшим внушения*» [РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1503. Л. 10–10об.]. По всей видимости,

купец Голубев был старообрядцем, что и позволило Успенскому перевести дело в иную, церковно-правовую плоскость, представив его не как тяжбу об оскорблении чести частного лица, но в качестве спора между священником и старообрядцем. Таким образом, судебный процесс маркировался как конфессиональный и встраивался в область отношений, которые требовали непосредственного вмешательства духовного начальства. Приговор мирового суда Успенский расценивал как «тяжкое оскорбление» своего сана, а сам спор, вероятно, становился для него в буквальном смысле «делом чести». В данном случае Съезд мировых судей занял сторону Успенского и, рассмотрев апелляционную жалобу, признал дело неподсудным мировым учреждениям. Приговор судьи был отменен, а все материалы расследования переданы в распоряжение Владимирской духовной консистории.

Год спустя Сенат рассмотрел прошение противоположного содержания. Священники Дмитровского уезда Орловской епархии Василий Азбукин и Николай Моисеев искали защиту от незаконных в их понимании действий мирового судьи. По словам просителей, в апреле 1885 г. оба они были вызваны в мировой суд в качестве свидетелей по делу о клевете, но по иронии сами стали подсудимыми в схожем процессе. Обстоятельства своих злоключений Азбукин и Моисеев изложили следующим образом: до начала заседания священники обратились к судье с просьбой допросить их в первую очередь, но получили отказ и заняли свободные места на скамейках. Сразу после открытия заседания мировой судья приказал вывести Азбукина из судебной камеры в назидание, чтобы тот «не садился задом к Императору» [РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1611. Л. 3–30б]. Некоторое время спустя из камеры выведен был и Моисеев, отказавшийся подписать протокол, так как его показания были зафиксированы в нем неверно. Действия судьи Азбукин и Моисеев восприняли как публичное оскорбление. Кульминацией истории в изложении священников стало возбуждение против них вымышленного дела о нарушении тишины и порядка в публичном месте. В жалобе на Дмитровский съезд мировых судей Азбукин и Моисеев оспаривали как возводимое на них обвинение, так и решение отдать тяжбу на откуп епархиального суда: «Съезд признал это дело неподсудным Мировым Учреждениям и постановил передать дело в Консисторию, где мы понятны являемся виновными в нарушении благочиния и благоповедения, Господин же Судья, за такие противозаконные действия, остался без всякого преследования» [Там же. Л. 4]. Таким образом, апеллируя к Сенату, подсудимые рассчитывали оставить дело в ведении светских судебных инстанций и, очевидно, надеялись на более благоприятный его исход в сравнении с тяжбой в епар-

хиальном суде. В этом случае ожидания священников не оправдались: Сенат разрешил дело в пользу мирового судьи и постановил жалобу подсудимых оставить без последствий.

Эти два казуса демонстрируют, с одной стороны, схожие стратегии маневрирования между светским и епархиальным судом, а с другой — разницу в логике такого выбора. В первом случае сама специфика деликатного дела, где оскорбителем и оскорбленным (в зависимости от точки зрения) являлись священник и старообрядец, предопределила апелляцию к авторитету епархиального начальства. Обстоятельства позволили священнику «перевести» тяжбу на язык церковного суда и доказать подведомственность дела духовной консистории¹. Вероятно, во втором споре недоверие священников к епархиальному суду подтолкнуло их искать справедливого разрешения дела в Сенате.

Вышеприведенные примеры не означают, что церковный и светский суды следует рассматривать в качестве взаимоисключающих вариантов разрешения споров. Участники дел могли путешествовать от одного судебного органа к другому в поисках наиболее удовлетворительного для себя исхода. Так, в 1869 г. Владимирский окружной суд рассмотрел дело об оскорблении священника села Бережка Юрьевского уезда Козьмы Смирнова. В поданной от имени общества крестьян местному архиерею жалобе священник обвинялся в использовании общественной земли для постройки питейного дома и для своих нужд, в вымогательстве денег и эксплуатации крестьян на своем участке, «при неисполнении же ими сего, не допускает до исповеди и причастия и выгоняет из церкви, и тем вводит прихожан в суеверие и раскол» [ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 131. Оп. 14. Д. 163. Л. 12–12об.]. Инициированное епархиальным начальством расследование не подтвердило изложенных в жалобе обвинений в «притязательности» священника, а потому Владимирская духовная консистория вынесла оправдательный приговор. Удачный исход дела в церковном суде легитимировал обращение Смирнова в мировой суд, где он «просил взыскать с кого должно за оклеветание его и оскорбительные выражения, равно за подложность жалобы» [Там же. Л. 13]. Владимирский окружной суд рассмотрел иск священника и признал виновным в составлении текста жалобы уволенного из духовного звания

¹ Термин «перевод» в схожем значении используется антропологами права, в частности в разговоре о транснациональных процессах. С.Э. Мэрри обратила внимание на роль посредников-«переводчиков» в переосмыслении транснациональной идеи прав человека и адаптации ее к локальному контексту. Исследовательница показала, как домашнее насилие над женщиной может описываться в привычных для местного сообщества категориях гендера или переводиться на язык международного права. В таком случае практика *forum shopping* влияет на трактовку самого судебного дела: перевод не просто его деконтекстуализирует, но и выводит из-под действия местного права [Merry 2006].

крестьянина Ивана Делигенского. Два года спустя, в 1871 г., Московская судебная палата, куда дело попало по апелляционному отзыву подсудимого, признала недоказанным обвинение в клевете и полностью оправдала Делигенского.

Несмотря на неблагоприятный для священника Смирнова исход, судебный процесс по этому делу можно считать показательным, так как он проливает свет на практики обращения духовных лиц в светский и церковный суды в пореформенное время. Оправдательный приговор епархиального суда не мог удовлетворить желание Смирнова в восстановлении доброго имени, но открыл для него возможность обратиться в светские судебные учреждения с иском о клевете. Таким образом, внутри-приходское по своей сути дело, участниками которого были священник, прихожане и архиерей, обрело как независимого арбитра в лице светского судьи, так и публичную площадку для обсуждения спора. Примечателен в этом деле еще и тот факт, что поверенным священника на заседании в окружном суде выступил его сын, студент духовной семинарии Евлампий Смирнов [ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 131. Оп. 14. Д. 163. Л. 13об.]. В других рассмотренных случаях судебные дела не содержат сведений о том, что участвовавшие в процессах духовные лица прибегали к помощи поверенных.

Три описанных случая, разделенные значительным временным промежутком, тем не менее можно рассмотреть как составные части единого сюжета. В эклектичной реальности пореформенного времени становилось возможным более гибкое поведение в правовом поле. Попытки приходского духовенства отстоять свою подведомственность церкви сочетались со случаями переноса дела в светский суд. При этом два возможных варианта не исключали друг друга, поскольку пролегающая между ними граница могла восприниматься как проницаемая.

**«В производстве следствий по делам о проступках
духовных лиц усмотрено много недостатков»:
духовные консистории и жонглирование юрисдикциями**

Описанная практика *forum shopping*, как отмечают исследователи, имеет еще одно измерение. Наряду с участниками тяжб, прибегавшими к правовому лавированию для удовлетворения своих целей, существовали и судебные места, стремившиеся манипулировать спорами в своих интересах [von Benda-Beckmann 1981: 117]. Точно так же, как и тяжущиеся, судебные органы избирательно относились к возможному репертуару судебных дел, пытаясь завладеть выгодными или уклониться от нежелательных споров. Практика манипулирования тяжбами рассматривается исследователями как юридическое выражение

борьбы за власть и авторитет между институтами [von Benda-Beckmann 1981: 137–145]. О таком жонглировании судебными делами в одной из духовных консисторий Синоду стало известно в ходе ряда ревизий делопроизводства, инициированных обер-прокурором К.П. Победоносцевым.

С 1881 по 1894 г. было проведено 32 ревизии, при этом в 16 епархиях синодальные ревизоры побывали дважды [Полунов 1996: 43]. В октябре 1886 г. Синод разослал епархиальным преосвященным циркулярный указ с приложением «Извлечения из отчета о ревизии одной из духовных консисторий» [Циркулярные указы 1901: 221–234]. Документ представлял собой краткую выжимку из 70 листов материалов о проведенной тайным советником И.А. Ненароковым годом ранее, в августе 1885 г., ревизии в Полтавской консистории [РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 141; Оп. 445. Д. 183; Ф. 797. Оп. 55. Отд. 1. Ст. 1. Д. 79]. Одним из пунктов целой череды выявленных ревизором «беспорядков, неисправностей и неправильностей» в консисторском делопроизводстве в Полтаве было указание на намеренное ограничение области юрисдикции церковного суда в делах о проступках лиц духовного звания: «Ревизией замечено также, что Консистория совершенно произвольно сокращает ведомство епархиального суда. По уставу Дух[овных] Конс[историй] (ст. 148, 199 и 201), сему суду подлежат лица духовного звания, между прочим, по жалобам духовных же и светских лиц на обиды, если только с обидою, духовным лицом причиненною, не соединено преступление уголовное. Но ревизованная Консистория в жалобах по делам этого рода большею частью отказывает, по неподсудности, и предоставляет просителям ведаться в светском суде» [Циркулярные указы 1901: 229]. Таким образом, именно дела об оскорблениях оказались выведены из ведения консистории и вытеснены в сферу юрисдикции светских судов. Дублирование компетенции разных судебных инстанций в этой области позволяло консисториям избавляться от десятков обременительных тяжб о священниках-оскорбителях. Корни открытых ревизией «неисправностей», судя по всему, лежали, с одной стороны, в постоянно возрасставшем на протяжении второй половины XIX в. количестве дел, поступавших на рассмотрение церковного суда, а с другой — в противоречивости синодальной политики, о чем подробнее будет сказано далее.

По мнению членов Синода, публикация отчета о ревизии в Полтаве была необходима, так как обнаруженные неисправности «по имеющимся в центральном управлении духовного ведомства сведениям, в большей или меньшей степени встречаются и в других духовных Консисториях» [Циркулярные указы 1901: 221]. Приведенный выше отрывок о подсудности дел об обидах

был процитирован и во втором издании специального руководства, разъяснявшего духовенству и членам консисторий особенности практического применения существующего законодательства о проступках лиц духовного звания [Вруцевич 1890: 14–15]. Составитель сборника, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета и бывший секретарь духовной консистории М.С. Вруцевич, предлагал читателям подробный разбор случаев изъятия дел о священно- и церковнослужителях из ведения светских судов, сопроводив свои пояснения ссылками на соответствующие решения Сената и синодальные указы. Примечательно, что в 1881 г. Вруцевич, на тот момент служивший секретарем Пермской духовной консистории, в объяснительном письме на имя обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева признавал, что «члены [консистории], если и злоупотребляют при решении дел, то злоупотребляют всегда, так сказать, *на законном основании, пользуясь недостатками духовного законодательства*, и явно обличить их перед Святейшим Синодом вещь весьма нелегкая» [РГИА. Ф. 797. Оп. 51. Отд. 1. Ст. 1. Д. 17. Л. 8].

По всей видимости, сформировавшийся в этой области после Судебной реформы правовой зазор был замечен и участниками споров, и членами судебных мест. Характерный пример поведения истца в сложившейся ситуации дает уже упомянутое дело капитан-лейтенанта С. Панютина [РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 215]. В октябре 1866 г. Панютин обратился в Калужскую духовную консисторию с просьбой начать следствие об оскорблении его священником И. Лихачевым. Месяц спустя, в ноябре 1866 г., в Калужской губернии были введены в действие Судебные уставы. Панютин, очевидно, был хорошо осведомлен о компетенции новых судов, так как подал в консисторию прошение о передаче его дела мировым учреждениям со ссылкой на статьи Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Однако, вопреки ожиданиям просителя, члены консистории прекратили следствие и отказались передавать жалобу Панютина в мировой суд, заявив, что такие действия консистория «не считает своим делом» [Там же. Л. 3об.]. В свою очередь, мировой судья также не принял жалобу пострадавшего, так как следствие по ней первоначально велось епархиальным судом и его материалы по-прежнему оставались в Калужской консистории. Уголовный кассационный департамент Сената подтвердил решение мирового судьи, признав дело подведомственным духовной консистории. Это решение, как было упомянуто, стало прецедентом, о котором епархиальное духовенство было проинформировано специальным синодальным указом.

Если истцы, маневрируя в правовом поле, пытались добиться справедливого, по их мнению, наказания для оскорбителя,

то чиновники судебных мест имели свои причины для принятия или отклонения исков. Курьезным случаем пререканий между инстанциями стал спор Саратовской духовной консистории и местного окружного суда о подсудности дела священника церкви села Черкасского В. Соловьева. В июле 1874 г. священник подал на имя Саратовского преосвященного жалобу, в которой обращал внимание на незаконные действия консистории, вернувшей без рассмотрения написанную на простой бумаге просьбу Соловьева. В тексте жалобы священник упоминал, что решение консистории доказывает «или совершенное непонимание дела или сознательное искажение самого закона» [РГИА. Ф. 1354. Оп. 6. Д. 652. Л. 1об.]. Ошибочная ссылка чиновника консистории на 17-ю статью Устава о пошлинах (речь в которой идет об употреблении гербовой бумаги в Западных губерниях) вызвала особенное недовольство Соловьева: «[П]исец судного стола Боголюбов без обыкновенных человеческих понятий; эта статья относится к делу, как горох к стене» [Там же. Л. 2].

Члены присутствия Саратовской консистории сочли категоричные пассажи жалобщика оскорбительными и обратились в окружной суд. По прошению Соловьева председатель суда вынес вопрос о подведомственности дела на внутреннее обсуждение, итогом которого стало постановление о возвращении всех материалов в консисторию. Согласно решению окружного суда, спор относился к ведению церкви, поскольку речь в нем шла об оскорблении священником начальствующих над ним лиц. Однако Саратовская консистория не согласилась с таким решением и в июле 1875 г. вновь возвратила дело о Соловьеве в окружной суд, который месяцем позже препроводил дело обратно в консисторию для отправки его «куда следует». Пререкание между консисторией и окружным судом завершилось только в 1877 г., после того как отправленное Саратовским преосвященным в Синод дело попало на рассмотрение Общего собрания кассационных департаментов. Сенат согласно с мнением Синода постановил, что оскорбление консистории не предусмотрено церковными законами и представляет собой преступление против порядка управления, рассматриваемое светским судом [Сборник решений 1905: 281].

Случай Соловьева показателен в нескольких аспектах. Во-первых, странный на первый взгляд казус о перебрасывании судебного дела из одного органа в другой служит примером жонглирования юрисдикциями. Во-вторых, примечательна позиция Синода, легитимировавшего переход дела об оскорблении священником членов духовной консистории в ведение светского суда. Наконец, в-третьих, этот случай демонстрирует уровень правовых знаний приходского священника, для которого спо-

способность ориентироваться в статьях Свода законов относилась к «обыкновенным человеческим понятиям».

Подобные действия судебных органов отражали шаткость решений Сената и Синода в делах о бесчестье. Санкционирование Синодом передачи дел о духовенстве в светский суд расходилось с твердой позицией в отношении подсудных церкви бракоразводных процессов. Любые попытки ограничить церковную юрисдикцию в этой области и пойти по пути либерализации развода сталкивались с жесткой оппозицией Синода [Wagner 2001: 138–205]. Как отмечает Г. Фриз, это сопротивление оборачивалось тяжелыми последствиями для церковной администрации. Неуклонно возраставшее во второй половине XIX в. число бракоразводных процессов привело к настоящему кризису судопроизводства духовных консисторий, не способных совладать с потоком исков. Результатом стали горы затянувшихся на много лет или вовсе не решенных дел [Фриз 2019: 172–179]. Возможным выходом для духовных консисторий были попытки избавиться от обременительных судебных процессов, пользуясь пробелами в судопроизводстве и непоследовательностью синодальной политики. Описанная практика передачи дел из консисторий в светский суд складывалась стихийно, по мере того как пересечение компетенции судебных ведомств становилось заметным. Противоречивая позиция Синода способствовала тому, что открывшееся в ходе ревизий сокращение консисториями церковной юрисдикции проявилось, как ни странно, не в бракоразводных делах мирян, а в тяжбах о бесчестье с участием самих членов духовного сословия.

Заключение

Провозглашенный одним из столпов Судебной реформы 1864 г. принцип всесословности открыл для духовенства возможность «навигации» в правовом поле. Пространство выбора образовывали области пересечения светского и церковного права, одну из которых в пореформенное время сформировали споры об оскорблении чести. Опираясь на представления о преимуществах различных судебных органов, приходское духовенство стремилось перевести дело в епархиальный или светский суд для защиты своих интересов. Фоном для этих процессов были детально описанные в историографии ожесточенные споры вокруг проблемы преобразования церковно-судебной системы. Тем не менее, вопреки господствующему в исследовательской литературе мнению о преимущественно негативных последствиях навязанной духовенству Судебной реформы, материалы судебных процессов с участием духовных лиц дают основания для иной, более сложной трактовки.

При ближайшем рассмотрении привычный историографический нарратив о попытках Синода отстоять свою юрисдикцию и не допустить секуляризации в тех областях права, которые традиционно находились в ведении церкви, оборачивается рассказом не столько о конфронтации, сколько о взаимных выгодах. Новые правовые реалии использовали в своих целях и участвовавшие в тяжбах духовные лица, и члены консисторий. Если для первых пореформенная ситуация предоставляла возможность защитить права и отстоять свое понимание справедливости в суде, то для вторых она могла служить панацеей от поразившего консистории недуга — бесконечного потока судебных дел, к концу XIX в. практически парализовавшего делопроизводство. По большому счету намеренное сокращение духовными консисториями круга подведомственных церковному суду дел было во многом порождением самой синодальной политики. Жесткая и принципиальная позиция Синода по вопросу о подсудности сотен бракоразводных дел, в которых единственным компетентным судьей должна была оставаться церковь, предопределила сокращение консисторской юрисдикции в другой области, где синодальные решения не отличались последовательностью, а точка зрения не казалась столь однозначной. Санкционирование Синодом отдельных случаев передачи дел о проступках духовенства в светский суд развязало руки чиновникам консисторий, предпочитавшим отдавать «лишние» споры на откуп мировым и окружным судам. Удобный случай для такого жонглирования, как было продемонстрировано, представился в тяжбах о бесчестье, бывших в компетенции и церковного, и светского суда.

Пореформенный период можно назвать временем, когда приходское духовенство вольно или невольно осваивало «светское» правовое пространство. Это освоение стало, с одной стороны, итогом сознательного выбора истцами того или иного судебного органа, а с другой — результатом действий духовных консисторий, вытеснявших участников тяжб в пространство светского суда в тех областях, где это было возможно. Неожиданным и невольным следствием этих процессов были перемены в подсудности дел о приходском духовенстве и в конечном счете укрепление позиций образованных реформой 1864 г. судов.

Описанные случаи лавирования между юрисдикциями демонстрируют важность обращения исследователей не только к целенаправленной политике Синода, но и к стихийно складывавшейся на местах практике правоприменения. Представляется, что открывающуюся в этом случае расстановку сил недостаточно описывать только в привычных для историков церкви категориях «борьбы» за юрисдикцию. Анализ правовых стратегий участников тяжб и действий вовлеченных в споры ведомств

позволяет увидеть куда более сложную ситуацию, где разные акторы использовали образовавшиеся правовые лазейки в своих интересах.

Благодарности

Благодарю А.В. Всеволодова, Р.А. Шумякова и двух анонимных рецензентов «Антропологического форума» за внимательное чтение и дружелюбную критику этого текста.

Список сокращений

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. — Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г.

Архивные материалы

РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 215. По предложению обер-прокурора с жалобой помещика Калужской губернии Степана Панютина на священника Лихачева. 1867 г.

РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 141. По предложению о поручении тайному советнику Ненарокову произвести ревизию делопроизводства Полтавской духовной консистории. 1885–1888 гг.

РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 183. Отчетные сведения, жалобы прихожан и другие материалы по ревизии Полтавской духовной консистории. 1885 г.

РГИА. Ф. 797. Оп. 51. Отд. 1. Ст. 1. Д. 17. По рапортам секретарей духовных консисторий о мерах к улучшению делопроизводства в консисториях. 1881–1883 гг.

РГИА. Ф. 797. Оп. 55. Отд. 1. Ст. 1. Д. 79. О командировании директора канцелярии тайного советника Ненарокова в г. Полтаву для ревизии тамошней духовной консистории с назначением в эту командировку секретаря Св. Синода. 1885–1888 гг.

РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1503. По жалобе священника Успенского на мирового судью 3-го участка Судогодского округа Манькова. 1885 г.

РГИА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1611. По жалобе священников Азбукина и Моисеева на мирового судью Дмитровского уезда Офросимова. 1885 г.

РГИА. Ф. 1354. Оп. 6. Д. 652. Ведение Святейшего Правительствующего Синода за № 1961 о разрешении возникшего между Саратовским окружным судом и Духовной консисторией пререкания относительно подсудности дела о священнике Викторе Соловьеве, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 283 ст. Уложения о наказаниях. 1876 г.

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 131. Оп. 14. Д. 40. Тульского окружного суда. По обвинению дьячка Дмитрия Архангельского в оскорблении мирового судьи и мещанина Г. Новикова в оскорблении помещика пристава. 1868 г.

ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 131. Оп. 14. Д. 163. Владимирского окружного суда. О крестьянине Иване Федоровиче Делигенском — в оскорблении священника по ст. 1535 Уложения о наказаниях. 1871 г.

Источники

- Вруцевич М.С.* (сост.). Руководство для консисторий, духовных следователей и духовенства: законы о подсудности и производстве следствий по проступкам священно-церковно-служителей: с объясн. по решениям Правительствующего сената и указам Святейшего синода. 2-е изд., испр. и доп. Вильна: Тип. М. Дворжеца, 1890. VIII+166 с.
- Павлов А.С.* Курс церковного права заслуженного профессора Императорского Московского университета А.С. Павлова [чит. в 1900–1902 гг.]. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1902. 539+VI с.
- Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената за первое полугодие 1868 г. СПб.: Тип. Правит. сената, [1869]. [2]+XII+XXI+556 с.
- Сборник решений Общего собрания кассационных и Первого с кассационными департаментами Правительствующего сената за 30 лет (с 1866–1896 г.). 3-е изд., пересмотр. и испр., неофиц. СПб.: Юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1905. LXXIX+967 с.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с доп. по 1-е дек. 1881 г. 4-е изд., доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. IV+744+X с.
- Устав духовных консисторий. СПб.: Синод. тип., 1843. 134+56 с.
- Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1867. 45 с.
- Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. 2-е изд., доп. СПб.: И.Л. Тулузов, 1901. 444 с.

Библиография

- Антонов С.* Банкроты и ростовщики Российской империи: долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского. М.: НЛО, 2022. 504 с.
- Гаранова Е.П.* Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты): Авторефер. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 27 с.
- Дорская А.А.* Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII — начала XX вв.: Авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 40 с.
- Кирмзе Ш.Б.* Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в поздней имперской России. М.: НЛО, 2023. 430 с.
- Круз Р.* За пророка и царя: ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: НЛО, 2020. 401 с.
- Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
- Маррезе М.Л.* Бабы царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М.: НЛО, 2009. 363 с.

- Никитин А.В. Церковный суд и православное духовенство в России (1864–1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 224 с.
- Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора: государство и церковь в эпоху Александра III. М.: АИРО-XX, 1996. 141 с.
- Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России 1860–1870-х гг.). М.: Крутиц. Патриаршее подворье; О-во любителей церковной истории, 1999. 567 с.
- Сартори П. Идеи о справедливости: шариат и культурные изменения в русском Туркестане. М.: НЛО, 2022. 480 с.
- Фирсов С.Л. Церковный суд в России в Синодальный период (краткий исторический обзор) // Исторический вестник (Воронежско-Липецкая епархия). 2002. № 1 (16). <http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/6.htm>.
- Фриз Г. Мирские нарративы о священном таинстве: брак и развод в позднеимперской России // Фриз Г. «Губительное благочестие»: российская церковь и падение империи: Сб. статей / Пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. С. 132–181.
- Яковлева Т.Г. Торговля по правилам и без: власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 462 с.
- Benton L. Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History, 1400–1900. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. XIII+285 p.
- Borisova T. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality // Law and History Review. 2012. Vol. 30. No. 3. P. 901–925. doi: 10.1017/S0738248012000193.
- Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington; Indianapolis, IN: Indiana University Press, 2004. XXI+374 p.
- Dahlke S., Templer B. Old Russia in the Dock: The Trial against Mother Superior Mitrofaniiia before the Moscow District Court (1874) // Cahiers du Monde russe. 2012. Vol. 53. No. 1. P. 95–120. doi: 10.4000/monderusse.9368.
- Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. XXXII+507 p.
- Merry S.E. Transnational Human Rights and Local Activism: Mapping the Middle // American Anthropologist. 2006. Vol. 108. No. 1. P. 38–51. doi: 10.1525/aa.2006.108.1.38.
- von Benda-Beckmann K. Forum Shopping and Shopping Forums: Dispute Processing in a Minangkabau Village in West Sumatra // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1981. Vol. 13. No. 19. P. 117–159. doi: 10.1080/07329113.1981.10756260.
- von Benda-Beckmann K., Turner B. Anthropological Roots of Global Legal Pluralism // Berman P.S. (ed.). Oxford Handbook of Global Legal Pluralism. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 67–141. doi: 10.1093/oxfordhb/9780197516744.013.18.
- Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press, 2001. XIV+413 p.

Lawsuits about Dishonour in the Post-Reform Court: The “Navigation” of the Orthodox Parish Clergy in the Legal Space of the Russian Empire (1860s–1880s)

Ksenia Vanicheva

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
kvanicheva@eu.spb.ru

The article is focused on the legal strategies of the Orthodox parish clergy in the post-reform court. Using material from trials of insults to honour, it considers the practice of the clergy’s “jurisdictional jockeying”, which implies a choice between parallel instances of ecclesiastical and secular courts in order to find the most advantageous variant of dispute resolution. The article demonstrates that the duplication of articles about dishonour in the Statutes of the Ecclesiastical Consistories and the Judicial Statutes contributed to the formation of a space for clergy to manoeuvre in the legal field. The analysis of the legal strategies of the litigants and the actions of the institutions involved in the disputes calls into question the thesis typical of historiography about the mainly negative impact of the Court Reform of 1864 on the legal status of the clergy. On the contrary, the post-reform legal uncertainty created gaps in the system of legal proceedings, which gave litigants a chance to obtain a more favourable outcome. At the same time, there was another side to the situation described: like the participants in the disputes, the consistory officials tried to use the intersection of the competences of the secular and diocesan court in their own interests. In conclusion, it is suggested that by resorting to the practice of “jurisdictional jockeying” to achieve their own goals, both the participants in the cases and the consistories helped to limit the jurisdiction of the ecclesiastical court and the clergy’s “exploration” of the secular legal space. The author proposes that these processes were, at least in part, an unintended and unwanted consequence of the Synod’s policy.

Keywords: orthodox clergy, legal history, forum shopping, jurisdictional jockeying, court reform of 1864, church court, consistory.

Acknowledgements

I am grateful to A. V. Vsevolodov, R. A. Shumyakov, and two anonymous reviewers of the journal *Antropologicheskij forum* for their careful reading and friendly criticism of this text.

References

- Antonov S., *Bankrupts and Usurers of Imperial Russia: Debt, Property, and the Law in the Age of Dostoevsky and Tolstoy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016, VIII+387 p.
- Benton L., *Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History, 1400–1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, XIII+285 p.
- Borisova T., 'The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality', *Law and History Review*, 2012, vol. 30, no. 3, p. 901–925. doi: 10.1017/S0738248012000193.
- Burbank J., *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. Bloomington; Indianapolis, IN: Indiana University Press, 2004, XXI+374 p.
- Crews R. D., *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009, X+463 p.
- Dahlke S., Templer B., 'Old Russia in the Dock: The Trial against Mother Superior Mitrofaniia before the Moscow District Court (1874)', *Cahiers du Monde russe*, 2012, vol. 53, no. 1, p. 95–120. doi: 10.4000/monderusse.9368.
- Dorskaya A. A., *Tserkovnoe pravo v sisteme prava Rossiyskoy imperii kontsa XVIII — nachala XX vv.* [Church Law in the System of Law of the Russian Empire of the End of 18th — Beginning of 20th Centuries]: Abstract of doctoral thesis in jurisprudence. Moscow, 2008, 40 p. (In Russian).
- Firsov S. L., 'Tserkovnyy sud v Rossii v Sinodalnyy period (kratkiy istoricheskiy obzor)' [Church Court in Russia in the Synodal Period (Brief Historical Review)], *Istoricheskiy vestnik* (Voronezh-Lipetsk Eparchy), 2002, no. 1 (16). <http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/6.htm>. (In Russian).
- Freeze G. L., *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983, XXXII+507 p.
- Freeze G. L., 'Profane Narratives about a Holy Sacrament: Marriage and Divorce in Late Imperial Russia', Steinberg M. D., Coleman H. J. (eds.), *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007, p. 146–178.
- Garanova E. P., *Tserkovnoe pravo v pravovoy sisteme rossiyskogo obshchestva (obshcheteoreticheskiy i istoricheskiy aspekty)* [Church Law in the Legal System of Russian Society: General Theoretical and Historical Aspects]: Abstract of candidate's thesis in jurisprudence. Nizhniy Novgorod, 2004, 27 p. (In Russian).
- Kirmse S. B., *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019, XIV+341 p.
- Leontyeva T. G., *Vera i progress: pravoslavnoe selskoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Faith and Progress: Orthodox Russian Rural Clergy in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries]. Moscow: Novyy khronograf, 2002, 253 p. (In Russian).
- Marrese M. L., *A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2002, XIV+276 p.

- Merry S. E., 'Transnational Human Rights and Local Activism: Mapping the Middle', *American Anthropologist*, 2006, vol. 108, no. 1, p. 38–51. doi: 10.1525/aa.2006.108.1.38.
- Nikitin A. V., *Tserkovnyy sud i pravoslavnoe dukhovenstvo v Rossii (1864–1918 gg.)* [The Church Court and the Orthodox Clergy in Russia (1864–1918)]: Candidate's thesis in history. St Petersburg, 2021, 224 p. (In Russian).
- Polunov A. Yu., *Pod vlastyu ober-prokurora: gosudarstvo i tserkov v epokhu Aleksandra III* [Under the Authority of the Ober-Prokuror. The State and the Church in the Age of Alexander III]. Moscow: AIRO-XX, 1996, 141 p. (In Russian).
- Rimskiy S. V., *Rossiyskaya tserkov v epokhu velikikh reform (tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh gg.)* [The Russian Church in the Age of Great Reforms: (Church Reforms in Russia in the 1860s–1870s)]. Moscow: Krutitskoe Patriarsheye podvorye; Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 1999, 567 p. (In Russian).
- Sartori P., *Visions of Justice: Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leiden; Boston: Brill, 2016, XVI+392 p. (Handbook of Oriental Studies 8; Uralic and Central Asian Studies, vol. 24).
- von Benda-Beckmann K., 'Forum Shopping and Shopping Forums: Dispute Processing in a Minangkabau Village in West Sumatra', *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*, 1981, vol. 13, no. 19, p. 117–159. doi: 10.1080/07329113.1981.10756260.
- von Benda-Beckmann K., Turner B., 'Anthropological Roots of Global Legal Pluralism', Berman P. S. (ed.), *Oxford Handbook of Global Legal Pluralism*. Oxford: Oxford University Press, 2020, p. 67–141. doi: 10.1093/oxfordhb/9780197516744.013.18.
- Wagner W. G., *Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia*. Oxford: Clarendon Press, 2001, XIV+413 p.
- Yakovleva T. G., *Torgovlya po pravilam i bez: vlast i torgovtsy v Eniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka* [Trade by Rules and Without Rules: Power and Traders in Yenisey Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. St Petersburg: EUSP Press, 2021, 462 p. (In Russian).